

или гегелевской мысли. Бытие разворачивается все новыми и новыми смысловыми гранями.

Перед нами – бесконечная пролонгация вопрошания, в котором философия уже не дает никаких «окончательных» ответов. Проблемы философии предстают как принципиально неразрешимые, то есть как не подлежащие списанию в архив под рубрикой «пройденное» (варианты: «понятое», «решенное»). Современное мышление вообще не является проблемным, оно – проблематизирующее. Его цель, как бы парадоксально это ни звучало, не решение, но... создание проблемы. Отсюда онтологическое высказывание

как перекресток проблем или место встречи проблематизаций.

Примечания

- 1 Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 32–33.
- 2 Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию. Кемерово, 1986. С. 115.
- 3 Там же. С. 116–117.
- 4 Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М., 1995. С. 226

УДК 165

КРИТИКА МЕТАФИЗИКИ И ЛОГОЦЕНТРИЗМА КАК ОСНОВА ИНТЕРПРЕТАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ДЕКОНСТРУКЦИИ

С.М. Малкина

Саратовский государственный университет,
кафедра теоретической и социальной философии
E-mail: MalkinaSM@rambler.ru

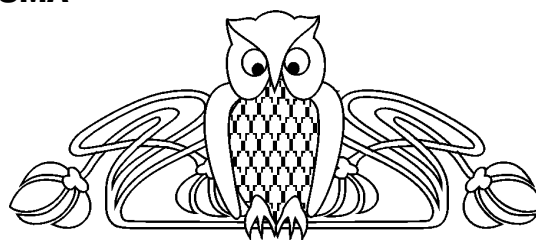
Статья посвящена анализу понятия логоцентризма, с помощью которого деконструируется метафизика. Исследуется неклассическая концепция знака, оформившаяся в философии Ж. Деррида. Это закладывает методологический фундамент для интерпретативных стратегий, которые могут применяться для любых текстов: философских, литературных и социокультурных.

The Critics of Metaphysics and Logocentrism as the Foundations of Interpretative Strategies of Deconstruction

S.M. Malkina

The article is dedicated to analysis of the notion of logocentrism which is used for deconstruction of metaphysics. Nonclassic conception of sign, formed in philosophy of J. Derrida, is researching. This puts methodological foundation for interpretative strategies which can be used for any kind of texts: philosophical, literary and sociocultural.

Критика так называемого логоцентризма является одним из центральных моментов проекта деконструкции западной метафизики у Ж. Деррида. Критика метафизики определяет, пожалуй, главную задачу деконструктивистской герменевтики, которая состоит не столько в анализе содержания, сколько в анализе самой аргументации, так сказать, ее «понятийной стилистики», что подразумевает послесловное испытание исследуемого текста на «логическую прочность» и последовательность в отстаивании своего постулата и доказательство несостоятельности изучаемой аргументации как явно «метафизической». Фактически, как отмечает И.П. Ильин, это позиция «принципиального сомнения» во всем, доведение до крайности декартовского принципа «методологического сомнения»¹.

Главным объектом деконструктивистской критики метафизики становится так называемый «логоцентризм». В своей фундаментальной работе «О грамматологии» Деррида заявляет, что *логоцентризм* (этноцентризм, фоноцентризм, фаллоцентризм – это не синонимичные понятия, но принцип их организации один и тот же) управляет:

«1. *понятием письма* – в мире, где выработка фонетического письма сопряжена с сокрытием собственной истории письма как такового;

2. *историей метафизики*, которая, несмотря на все различие подходов – от Платона до Гегеля (включая даже Лейбница) и даже от досократиков до Хайдеггера, – всегда видела (перво)начало истины как таковой в логосе...

3. *понятием науки* или научности науки, которое всегда относили к области логики»².

Логоцентризм – это представление о чем-то как о центрированной, иерархической структуре. Деррида отмечает, что уже само понятие структуры несет в себе значение иерархии, так как мы не можем помыслить структуру без организующего центра³. И это понятие (центрированной) структуры является сопутствующим знаком западной эпистемологии, философии и культуры вообще.

«Логоцентризм, – определяет Деррида, – это европейское, западное мыслительное образование, связанное с философией, метафизикой, наукой, языком и зависящее от логоса. Это не только способ помещения логоса и его переводов (разума, дискурса и т.д.) в центре всего, но и способ определения самого логоса в качестве центрирующей, собирающей силы; *Versammlung*,

так интерпретирует Хайдеггер все это, и в особенности *logos, legein* – как то, что собирает и кладет пределы рассеиванию; это способ соединения и собирания всего»⁴.

С точки зрения Деррида любой центризм, и, прежде всего, логоцентризм, плох уже тем, что постулирует наличие какого-либо центра. Понятие центра структуры, как отмечает Деррида, двойственно: с одной стороны, он ориентирует и упорядочивает, организует определенное соотношение между элементами структуры. С другой стороны, этим же организующим жестом центр кладет предел тому, что Деррида называет *свободной игрой* элементов: «...центр закрывает игру, которую сам же открывает и делает возможной. Центр как таковой является той точкой, где более невозможна подмена содержаний, элементов и терминов. В центре наложен запрет на взаимозаменяемость или превращение терминов»⁵.

Как отмечает Деррида, западная метафизика на протяжении всего своего существования мыслила в такого рода конструктах, в которых время от времени менялось наименование центра, но не сам принцип. В качестве примера таких наименований для организующего дискурс центра он приводит такие концепты, как *eidōs, arche, telos, energeia, aletheia, ousia, сознание, Бог, человек* и т.д.). Поэтому «история метафизики, как и история самого Запада, оказываются историей подобных метафор и метонимий»⁶.

Таким образом, логоцентризм (или любой другой «центризм») состоит, по сути, в стремлении свести все к единообразной схеме, подвести под одно понятие, трансформировать сложное в комплекс простых операций, то есть подчинить «иное». Поэтому деконструктивистская герменевтика выступает как борьба с логоцентризмом, то есть против тенденции подводить под все одно основание. Следовательно, деконструкция как метод не может рассматриваться в рамках традиционной рациональности, наиболее четко выраженной у Декарта: именно поэтому мы не можем назвать деконструктивистскую герменевтику методом, поскольку традиционно понятие «метод» отсылает к картезианским принципам. Прямое или косвенное признание кризиса традиционной рационалистичной герменевтики является общим местом герменевтики М. Хайдеггера и Ж. Деррида.

Одна из причин повышенной критики логоцентризма со стороны Деррида состоит в том, что логоцентризм (фоноцентризм) связан с метафизикой присутствия (наличия), которую Деррида стремится подорвать, вводя понятие свободной игры: «Фоноцентризм совпадает с исторической (historiale) определенностью смысла бытия вообще как наличия (*présence*) – вместе со всеми теми определенностями более низких уровней, которые, в свою очередь, зависят от этой общей формы, именно в ней складываясь в систему, в историческую цепь (наличие вещи для взгляда как *eidōs*; наличие как

субстанция – сущность – существование (*ousia*); наличие временное как точка (*stygme*) сиюминутности или настоящности (*nun*); самоналичность *cogito*, сознание, субъективность, сонличность себя и другого, интерсубъективность как интенциональное явление Эго и проч.). Иначе говоря, логоцентризм идет рука об руку с определенностью бытия существа как наличности»⁷.

Любой из этих концептов, каждый из которых причастен понятию присутствия (наличности), фигурирует в философской претензии описать то, что выступает как фундаментальное и используется в качестве центра, обосновывающей силы или принципа. В таких оппозициях, как значение / форма, душа / тело, природа / культура, умопостижимое / чувственное, позитивное / негативное, трансцендентальное / эмпирическое, серьезное / несерьезное главный термин принадлежит к логосу и высшему присутствию; подчиненный термин отличается падением. Логоцентризм, таким образом, утверждает превосходство первого термина и определяет второй относительно первого как «осложнение, отрицание, проявление или крах первого»⁸. Вся история западной метафизики оказывается утверждением превосходства и первенства добра над злом, простого над сложным, сущностного над акцидентальным и т.д. И «это не просто один метафизический жест среди других; это острая необходимость для метафизики, наиболее постоянная, глубинная и могущественная процедура»⁹. Поэтому рассмотрение и разрушение таких бинарных оппозиций является одной из герменевтических стратегий деконструкции Деррида.

Критика понятия центра у Деррида базируется на указании на его противоречивость. Центр, организуя структуру, представляет собой то, что не может мыслиться в рамках структуры. Ведь центр – единственный, по определению, образует в структуре то, что, управляя структурой, ускользает от структурности. Если центр задает правило ограничения на свободную игру элементов, то сам он этому правилу не подвластен (можно в качестве примера привести концепцию государства Т. Гоббса: все участники договора отчуждают права правителю, который единственный не отчуждает свои права никому и поэтому не участвует в договоре). Таким образом, центр находится как в структуре, так и *вне* структуры, знаменуя собой противоречие структуры. Получается, что иерархически-структурное видение содержит в себе свое отрицание.

Необходимо отметить, что это не значит, что Деррида призывает отказаться от центра. В дискуссии после своего доклада «Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук» Деррида подчеркивает: «Прежде всего, я не говорил, что центра нет; что мы можем обойтись без центра. Я уверен, что центр – это функция, а не сущность – реальность, но функция. И эта функция абсолютно незаменима... Это вопрос знания того,

откуда он появился и как функционирует»¹⁰. То есть вопрос не в том, чтобы отрицать центр и тем самым утверждать «не-центр»: «Как и в случае потери центра, я *отказываюсь* приближаться к идее «не-центра», которая больше не должна быть трагедией потери центра – эта печаль относится к классике. И я не хотел сказать, что думал о приближении к идее, которой утверждалась эта потеря центра»¹¹. Метод деконструкции в том и состоит, чтобы избегать утверждений, а вместо этого провоцировать продумывание, испытание предмета.

Таким образом, Деррида критикует не существующие центрированные структуры, а наше представление о том, что они существуют – ведь получается, что это представление не более чем противоречивая метафора. Поэтому необходимо не менять существующие структуры, а увидеть их как не-структуры.

«Понятие центрированной структуры, – отмечает далее Деррида, – это понятие *обоснованной игры*, построенной на некоей основополагающей неподвижности и успокоительной достоверности, которая сама по себе выведена из игры»¹². Обоснованная игра – это игра по правилам, ограничивающим *свободную игру элементов*. Такая закреплённость правил позволяет совладать со страхом и ощущением ненадёжности, которые могут способствовать свободной игре. Что же получится, если поставить под сомнение обоснованную игру, что на практике будет представлять собой свободная игра элементов?

Прежде всего, если мы приходим к выводу, что нет центра, который можно было бы помыслить в виде присутствующего сущего, занимающего определенное место в структуре, то мы получим отсутствие *трансцендентального означаемого*. Ведь именно конечный смысл ограничивает игру означающих, знаков. Поэтому Деррида приходит к выводу, что «отсутствие трансцендентального означаемого раздвигает поле и возможности игры значений до бесконечности»¹³.

Обратим внимание на два аспекта данного высказывания. Во-первых, на противопоставление ограниченного метафизического поля значений, где все значения имеют свое место и ограничены своим означающим (то есть указанием на конкретное сущее), и раздвижение поля значений при антиметафизической установке. Это является одним из прямых практических следствий хайдеггеровской антиметафизической установки, когда он стремился к раздвижению пространства внутри вопроса (категории, мысли), чтобы иметь выход за пределы сущего, а именно – к бытию.

Во-вторых, это – альтернативное обоснование лакановской концепции «плавающего означающего», перенесенное к тому же в область философской практики. Но, в отличие от Лакана, концепция Деррида об отрыве означающего от означаемого укоренена не только в философии З. Фрейда, но и Ф. Ницше.

Основную роль в выработке установки на игровое отношение к слову и мысли сыграл прежде всего Ницше, как собственно для Деррида, так и для всего постструктурализма в целом. Деррида неоднократно высказывал свое отношение к Ницше, которого особенно ценил за «систематическое недоверие ко всей метафизике в целом, к формальному подходу к философскому дискурсу, за концепцию философа-художника, риторическое и филологическое вопрошание истории философии, за подозрительное отношение к ценностям истины («словко применяемая условность»), к смыслу и бытию, к «смыслу бытия», за внимание к экономическим феноменам силы и различию сил и т.д.»¹⁴. Роль Ницше Деррида также видит в том, что он, «...заострив такие понятия, как *истолкование, перспектива, оценка, различие*, а также все те «эмпиристские» или нефилософские мотивы, которые на протяжении всей западной истории неизменно терзали философию и отличались тем, по-видимому, неисправимым, недостатком, что возникали именно в ее поле <...> Он внес мощный вклад в освобождение означающего от его зависимости, производности по отношению к логосу и от связанного с ним понятия истины или первичного означаемого, как бы мы его ни трактовали»¹⁵.

Деррида отмечает, что принципиальным для критики метафизики и логоцентризма оказывается понятие «знака»: «Если в своем корне и в своих импликациях он целиком и полностью метафизический, систематически сплавленный со стоической и средневековой теологиями, то его проработка и сдвиги, которым он был подвержен – и инструментом которых странным образом он сам же и был – произвели эффект *разграничивающий*: они позволили вести критику метафизической принадлежности концепта знака, одновременно *очертить* и *расшатать* пределы системы, внутри которой этот концепт родился и начал служить»¹⁶.

Деррида деконструирует понятие «знака» и выясняет, что не так просто освободить его от логоцентрической метафизической оппозиции означающее / означаемое. Действительно, если мы элиминируем понятие означаемого как являющееся центром данной структуры, мы тем самым и обесмысливаем понятие означающего, которое больше не означает ничего. Поэтому в своей работе «Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук» Деррида выделяет два способа, позволяющих стереть различие между означающим и означаемым и тем самым избавиться от метафизического логоцентризма.

Классический способ состоит в том, чтобы редуцировать означающее или отклонить его, то есть подчинить знак мысли. При этом возникает осознание, что обеспечивается максимальная близость к мысли некоего «означающего», «которое не проваливается в мир, которое я слышу сразу по произнесению, которое кажется зависящим от моей чистой и свободной спонтанности, не требующим применения никакого инструмента, никакого аксес-

суара, никакой силы, заимствованной у мира. Не только означающее и означаемое кажутся сливающимися в единство, но в этом смешении означающее как бы растворяется, становится прозрачным, чтобы позволить концепту предстать самому таким, каков он есть, без отсылки к чему-либо другому кроме своего присутствия. Внешность означающего предстает редуцированной. Естественно, опыт этот – обман, но обман, на необходимости которого сложилась целая структура или целая эпоха; на почве этой эпохи сложилась семиология, концепты и основополагающие презумпции которой с большой отчетливостью поддаются обнаружению от Платона до Гуссерля, проходя через Аристотеля, Руссо, Гегеля и т.д.»¹⁷.

Деконструктивистский способ герменевтики заключается в том, чтобы поставить под вопрос саму систему, в которой осуществляется указанная редукция, и, в первую очередь, – саму оппозицию, где одному из элементов оказывается предпочтение: «Речь не идет и о том, чтобы слить воедино на всех уровнях и непосредственным образом означающее и означаемое. Невозможность для этой оппозиции или для этой разности быть радикальной и абсолютной не мешает ей функционировать и даже оказываться незаменимой в определенных пределах – очень широких пределах»¹⁸. В частности, именно в рамках этой оппозиции осуществляется возможность перевода с языка на язык. Таким образом, речь идет не о том, чтобы совсем отказаться от знака или оппозиции означающее / означаемое, а деконструировать ее и переосмыслить, чтобы контролировать ее метафизический потенциал.

Критика логоцентризма проводится Деррида параллельно с критикой фоноцентризма, что является очень важным моментом в теории чтения. Дело в том, что фоноцентризм формулирует понятие письма как того, что является посторонним системе языка, что призвано передавать речь, но не всегда справляется со своей функцией. Таким образом, в традиции фоноцентризма письмо – несовершенный носитель единственной истины, которая изначально была *речью*. Деррида взламывает фонологизм, предлагая свое понимание письма, где нет никакой изначальной речи, а письмо, следовательно, отсылает к смыслу, отнесенному в будущее письма, отсутствующему в настоящем. «Дело идет не о том, – пишет Деррида, – чтобы прибегнуть к тому же концепту письма и просто перевернуть асимметрию, которую мы поставили под вопрос. Дело идет о продуцировании нового концепта письма. Мы можем именовать его *грамма* или *разнесение*. Введение в игру различий предполагает, действительно, такие слияния и такие отсылки, которые препятствуют тому, чтобы в какой-либо момент, в каком-либо смысле имели место простые элементы, *присутствующие* в самих себе и отсылающие лишь к самим себе»¹⁹.

Следствием переосмысления концепции знака является то, что действительность у Деррида

всегда опосредована дискурсивной практикой; фактически, для него в одной плоскости находятся как сама действительность, так и ее рефлексия. Деррида постоянно пытается стереть грани между миром реальным и миром, отраженным в сознании людей. По логике его деконструктивистского анализа экономические, воспитательные и политические институты вырастают из «культурной практики», установленной в философских системах, что, собственно, и служит материалом для операций по деконструкции: «В соответствии с законами своей логики она подвергает критике не только внутреннее строение философом, одновременно семантическое и формальное, но и то, что им ошибочно приписывается в качестве их внешнего существования, их внешних условий реализации: исторические формы педагогики, экономические или политические структуры этого института. Именно потому, что она затрагивает основополагающие структуры, «материальные» институты, а не только дискурсы или означающие репрезентации, деконструкция и отличается всегда от простого анализа или «критики»»²⁰.

Таким образом, критика Деррида метафизики и логоцентризма выявляет не просто одну из методологических проблем современной философии, но приводит к преобразованию взаимоотношений с текстовым пространством и, как следствие, к трансформации всей теоретической сферы анализа культуры в целом.

Примечания:

- ¹ Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. С. 43.
- ² Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000. С. 115–116.
- ³ Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000. С. 446.
- ⁴ Рыклин М. Деконструкция и деструкция. Беседы с философами. М., 2002. С. 32.
- ⁵ Деррида Ж. Письмо и различие. С. 446.
- ⁶ Там же. С. 447.
- ⁷ Деррида Ж. О грамматологии. С. 126–127.
- ⁸ Culler J. On deconstruction: Theory and Criticism after Structuralism. Ithaca; N.-Y., 1982. P. 93.
- ⁹ Derrida J. Limited Inc. // Glyph. 1977. № 2. P. 236.
- ¹⁰ Derrida J. Structure, sign and play in the discourse of the human sciences // The structuralist controversy / Ed. by R. Macksey, E. Donato. Baltimore, 1972. P. 271.
- ¹¹ Ibid. P. 267.
- ¹² Деррида Ж. Письмо и различие. С. 446.
- ¹³ Там же. С. 448.
- ¹⁴ Derrida J. Margins of philosophy. Chicago, 1982. P. 305.
- ¹⁵ Деррида Ж. О грамматологии. С. 134.
- ¹⁶ Деррида Ж. Позиции. Киев, 1996. С. 32.
- ¹⁷ Там же. С. 39–40.
- ¹⁸ Там же. С. 36–37.
- ¹⁹ Там же. С. 46.
- ²⁰ Цит. по: Ильин И.П. Постструктурализм... С. 178–179.